

К ВОПРОСУ ОБ АЛАНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ

Алан Ахсарович Туаллагов, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>; soigsi@mail.ru

Статья посвящена анализу гипотезы об аланском источнике герба португальского города Коимбра. В ходе последних исследований герб данного города был включен в круг иных геральдических символов, также связываемых с аланской традицией. Доминирующим представлено утверждением о его семантике за счет труда Бернарду де Бриту. Но данный вопрос решался без своего как конкретного, так и всестороннего рассмотрения, что вывело за рамки исследований проблему источниковедческого анализа, не позволяя верифицировать полученные результаты. Наблюдаются различные подходы и решения в оценке данных письменных источников, при которых вне анализа остаются сами источники. Данное положение определяет актуальность предложенной к рассмотрению проблемы. Новизна исследования заключается в анализе конкретных данных источников, который дополняется их рассмотрением в историко-культурном контексте эпохи средневековья. Целью исследования является выявление возможных источников, положенных в основание повествования Бернарду де Бриту. Задачи исследования заключаются в установлении истоков представлений о соответствующем геральдическом символе как его трактовали средневековые авторы. Для решения задач использовались методы текстуального исследования источников, визуального анализа изобразительных памятников, индуктивного и логического анализа на основе принципа историзма и системности изложения. В результате проведенного исследования установлено, что предложенная Бернарду де Бриту история об аланской составляющей герба города Коимбра, поддержанная некоторыми современными авторами, не может безоговорочно претендовать на свою историчность. Социально-политические моменты в истории Португалии продиктовали ее включение в патриотическое движение своего времени, что актуализировалось некоторыми проблемами в развитии собственно геральдики. Существует вероятность фальсификации источниковой базы для достижения патриотических целей со стороны Бернарду де Бриту, который также использовал некоторые действительно исторические сведения.

Ключевые слова: геральдика, герб, зооморфный образ, письменные источники, аланы.

Для цитирования: Туаллагов А.А. К вопросу об аланской геральдике // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 18(25). С. 78-94. DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.005

Введение

В последнее время исследователями было уделено особое внимание проблеме происхождения символа Осетии «Овсэтиса» – «(знамя-герб/-знак) Осетии» – леопард на фоне гор, представленного наряду с другими подобными символами на «Заново вычерченной карте Иберийского царства или всей Сакартвело», созданной грузинским царевичем Вахушти Багратиони 22 января 1735 г. В круг сопоставительного материала были введены сведения западноевропейских письменных источников, в которых символом алан объявлялась кошка или отдельно лев для герба португальского г. Коимбра. Однако вопрос о взаимосвязи данных сведений остался без своего всестороннего и частью конкретного рассмотрения, не позволившего определиться с первоисточниками таких сведений, что фиксирует недостаточную степень исследования для верификации полагаемых на сегодняшний день результатов. Кроме того, наблюдаются различные подходы и решения в оценке данных письменных источников, при которых вне текстологического анализа остаются сами источники. Данное положение определяет актуальность предлагаемого исследования. Его новизна заключается в полагаемом текстологическом анализе источников, который дополняется их рассмотрением в историко-культурном контексте эпохи средневековья.

Основная часть

Первоначально было особо отмечено сближение по линии аланской истории изображений кошачьих хищников на «Овсэтиса» и на гербе португальского г. Коимбра, об истории которого некогда повествовал Бернарду де Бриту (Балтазар де Бриту-и-Андраде) (1569–1617 гг.) [1]. Позднее данное сопоставление было независимо приведено и другими исследователями, добавившими к ним сообщения письменных источников о кошке как символе алан. Известные замечания исследователей об излишне вольном и некритическом обращении Бернарду де Бриту с источниками отвергалось за счет упоминания того факта, что якобы вымышленные им хроники упоминались и в трудах других его современников. Полагалось, что ему не было резона выдумывать сведения об аланской эмблеме Коимбры, что объективно дополнялось обращением к сведениям средневековых источников о символе алан – кошке. Причем особо оговаривалось, что источники ничего не знали о символе алан, вторгнувшись на Пиренеи. Рассмотренные источники позволили установить единственный источник всех сведений в лице некоего Мефодия, сама личность и труд которого до сих пор остаются без какой-либо возможной идентификации. Различие образов льва и кота объяснялось различием восприятия при отнесении обоих животных к семейству кошачьих [2, 41–57].

Другие исследователи постарались дополнить приведенные материалы сведениями об образе кошачьего хищника в археологических памятниках, фольклорных, этнографических и иных источниках. Закономерно к рассмотрению привлекались и сведения о символе алан – кошке, источником которых вслед за предшественником признавался Мефодий. Но при этом отрицалось знакомство Бернарду де Бриту со сведениями последнего. Отрицание аргументировалось тем, что кошка называлась общим символом алан и свевов, а на гербе Коимбры свевов символизировал дракон. Полагалось, что португальская легенда, в которой присутствовал аланский геральдический кошачий символ, не могла быть выдумкой Бернарду де Бриту. Соответствующий герб Коимбры существовал задолго до его рождения, а в его труде нет упоминаний тех источников, в которых символом алан называлась кошка. В дополнение к другим наблюдениям приводились и сведения труда «*Corona gotica*» Диего де Сааведра Фахардо (1584–1648 гг.), в котором алан символизирует крылатая львица [3, 37–68].

Автором предлагаемой статьи также была предпринята попытка анализа соответствующих сведений, что не позволило ему безоговорочно согласиться с признанием «Овсэтиса» за действительный исторический герб Осетии, а появление кошки как символа алан определялось за счет тесных гото-аланских связей, приводивших и к ложным представлениям о готском происхождении самих алан. Сведения же Бернарду де Бриту рассматривались в связи с отрицаемыми предшественником сведениями о символе – кошке [4; 5].

Сложившееся положение настоятельно диктует необходимость дополнительного обращения к источникам. Что касается «Овсэтиса», то никакие материальные или письменные источники не могут независимо подтвердить исторической достоверности существования соответствующего символа Осетии на Кавказе. Не мог Вахушти Багратиони узнать о подобном символе через сведения об аланах, т. к. к его времени не существовало представлений о генетической преемственности алан и осетин. Современное состояние изучения проблемы «Овсэтиса» не позволяет признать его исторически достоверным, полагая его выдумку самим Вахушти Багратиони, подобно «Лекиса Дагистаниса» его же карты, как независимо установили другие исследователи [5, 336]. Предполагаемый источник для такой выдумки лежал в иной плоскости политических манипуляций правящих верхов Картли.

Обратимся к сведениям о символе в образе кошки. Франциск Иренукус (Франц Фридлиб) (1495–1553 гг.) указывал, что избрали своим военным символом кошку, ссылаясь на Мефодия, аланы, бургунды и све-

вы, вторгнувшиеся в Испанию [6, CXVII]. Сообщение из труда Франциска Иреникуса, хоть и не дословно и вне связи с Испанией, было приведено в труде Олафа Магнуса (Олаус Стуре) Гота (1490–1557 гг.) [7, 26; 8, 125, 143, OM 2: 25], а с исполнением авторского рисунка вошло в издание Клода Парадина (1510–1573 гг.) [9, 62]. Корнелий Агриппа Неттесгеймский (Генрих Корнелий Неттесгеймский) (1486–1535 гг.) также отмечал, что во время вторжения в Испанию аланы имели своим символом кошку [10]. Его утверждение повторил К. Кастриота [11, 36].

Марко де ла Фрата и Монталбано называл символом алан, вторгнувшихся в Испанию, куницу – *marta* [12, 33]. Здесь, вероятно, представлен пример личной трактовки звериного образа за счет известных значений латинского *feles (felis)/faeles* – «кошка, куница, хорек», что нередко ассоциировалось с *felix* – «счастливый», связанное с плодородием. Известно, что, например, использование в хозяйстве древней Греции вместо кошки представителя семейства куньих ласки приводило и к переносу на ласку названия кошки – *αἰλουρος*. Соответственно, логическое преобразование образа одного животного в образ другого при определенных обстоятельствах был допустим в мышлении человека того времени.

Круг источников, оперирующих подобной информацией, заметно шире [4, 91–96]. Но здесь приведены те, которые непосредственно предшествуют труду Бернарду де Бриту. Они в том числе отражают возникшую в XVI в. в Западной Европе ситуацию, когда эрудиты стали уделять особое внимание геральдике в условиях потери истинных исторических причин появления тех или иных гербов, обратной стороной чего стало своеобразное мифотворчество. Пример Клода Парадина, чей труд неоднократно переиздавался в короткое время, указывает на то, как создавались соответствующие гербы на основании только информации и без известности оригинала. Следовательно, рядом с отмечаемой возможностью преобразования животных образов можно поставить и допустимую визуализацию образа, что полагает и возможность обратной личной фантазии для деятелей той эпохи. Таким образом, сама складывающаяся ситуация в вопросах геральдики, известные моменты в их выражении должны были иметь особое значение и для Бернарду де Бриту, создававшего патриотический труд о государстве Лузитании. Также следует учитывать, что к его времени существовали издания гербов, в которых, о чем говорит пример Клода Парадина, уже зафиксированы сведения о «кошке» алан.

Необходимо уточниться и с утверждением, что источники ничего не знали о символе алан, вторгнувшихся на Пиренеи. Источники говорят о вторжении алан в Испанию, что является единым историческим действием и для появления алан в тогдашней Лузитании, соответственно, в рай-

оне Коимбры (современная Португалия). Таким образом, Бернарду де Бриту так и рассматривал собственную историю Коимбры, что видно по его указаниям на труды епископа Акв Флавиевых Гидация (~427–470 гг.) и епископа Севильи Исидора (600–636 гг.), непосредственно сообщавшие о вторжении в Испанию в 409 г. алан, вандалов и свевов.

Причем вторжение в Испанию алан, вандалов и свевов у Гидация рисовалось как апокалипсическая картина, что естественно должно рассматриваться через ветхозаветное пророчество Даниила, когда в конце света предстают образы льва с орлиными крыльями, медведя, леопарда с четырьмя птичьими крыльями и некоего чудовища с десятью рогами. В откровениях Иоанна Богослова представлены образы четырех животных с шестью крыльями и соответствующими лицами, образ красного дракона с семью головами и десятью рогами, а также зверя, получающего от него силу и имеющего тело леопарда, ноги – медведя, пасть – льва. Семь рогов символизируют царей, пять из которых пали, один существует, а один еще не пришел. Десять рогов символизируют десять царей, которые получают временную власть от зверя.

Уже в IX в. апокалипсическая картина была приложена к реальной истории Беренгаудом, у которого с десятью рогами «зверя» ассоциировались варварские народы, разрушившие Римскую империю и поделившие Западную Европу. В результате, например, Испания отдавалась на притязания готов, а аланы вместе со свевами господствовали во многих местах [13, 1000]. Поэтому вполне понятна отмечавшаяся выше трактовка младшего современника Бернарду де Бриту – Диего де Сааведра Фахардо, по которой аланы, вандалы, свевы и готы, захватившие Испанию, точнее их правители, сопоставляются с четырьмя чудовищами из пророчества Даниила. Аланы ассоциируются с образом крылатой львицы [14, 249], свевы – крылатого леопарда, вандалы – медведя, готы – чудовища. Надо полагать, что такой эрудит своего времени, как монах Бернарду де Бриту, вполне мог быть знаком и с таким подходом в символике алан, вписывающимся в его историю Лузитании.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Бернарду де Бриту нередко отсылает к труду Иоанна Магнуса Гота (1488–1544 гг.), включая и страницы, затрагивающие появление алан вместе с вандалами, свевами и бургундами в Галлии, их происхождения с далекой северной Скандинавии [15, 135, 140]. Знает он и об Олафе Магнусе Готе, который был родным братом Иоанна Магнуса Гота [15, 141], чей труд и издал. Собственно, само название труда Иоанна Магнуса Гота на то и указывает. Через восемь лет Олаф Магнус Гот издаст и собственный труд, в котором свое место займет и соответствующая линия северного происхождения готских народов,

включая относимых к ним алан. О таком происхождении готов, с отсылкой к работе Олафа Магнуса Гота, анонсировал в своем труде его брат – Иоанн Магнус Гот [16, 10–11].

Явно, в том числе по мотивам исследований своего брата, Иоанн Магнус Гот включал готов в число скифских народов, используя библейский образ Магога, но в отношении происхождения алан он еще сомневался. Одновременно он допускал возможность их прежнего обитания далеко на северных островах, между Скандией и Финляндией, приводя примеры причисления алан Прокопием Кесарийским к готам, а Иосифом Флавием – к скифам [16, 22, 498–499].

Отмеченное Бернарду де Бриту происхождение алан в связи с историей северных народов, выходцев из Скандинавии, является именно известной трактовкой происхождения германских народов, в том числе за счет переноса на дальний север библейских сведений о Гоге и Магоге. Эта концепция была представлена в рамках так называемого готицизма (нордизма), распространившись в европейской историографии к концу XVI в. Она же представлена у Франциска Иреникуса [6, XVIII, XIX], повествовавшего о кошке, как военном символе народов, вторгнувшихся в Испанию, чье сообщение использовал вне контекста Испании Олаф Магнус Гот. Приведенные наблюдения вызывают сомнения, что такой пылкий источник-ковед и историограф, как Бернарду де Бриту, не ознакомился хотя бы с трудом Олафа Магнуса Гота, отводя столь важное значение аланам и свевам в истории самого формирования царской власти в Лузитании. Умолчание же об этом может оказаться красноречивым в сравнении с другими данными.

Так, Бернарду де Бриту называет первым воцарившимся в Лузитании аланским царем Респландиана, от которого затем Атак принимает царскую власть [15, 143, 148]. Несомненно, под Респландианом следует подразумевать аланского правителя Респендиала. Но ни один источник, включая использовавшиеся Бернарду де Бриту труды Гидация и Исидора, не называет того аланского правителя, который возглавлял вторжение алан в Испанию [17, 93–96, 104–105, 116–117, 121, 152, 173–174, 175, 178, 183–186, 188, 203]. Что касается исторического Респендиала, то его упоминает только Григорий Турский как возглавлявшего группу алан при вторжении в последний день 406 г. с другими варварскими народами через Рейн. Источники затем в целом сообщают об участии алан в опустошении Галлии, откуда они хотели перейти в Испанию, но были задержаны на несколько лет [17, 98–99, 104–105, 113, 161–162, 169, 171, 173, 175–176, 178–180, 181, 184, 186, 199, 203, 234, 268, 269, 270]. Несомненно, «воцарение» Респендиала в Лузитании является индивидуальной выдумкой Бернарду

де Бриту, который составил свое логическое повествование, выдав его за цельную действительную историческую картину. Собственно говоря, мы имеем дело с фальсификацией, строящейся по умолчанию за счет различных элементов сведений других источников.

Далее Бернарду де Бриту описывает саму историю Аддака, носящего у него имя Атак. Ему приписывается исповедание арианства, плохое отношение к католикам, когда сами аланы предстают идолопоклонниками и лишь частью арианами. Атак разрушил г. Конимбрика, захватив его у свевов, которым затем нанес тяжелое поражение. Рядом он построил г. Коимбра. Заключив мир со свевами, он женился на исповедовавшей католицизм Синдасунде, дочери их правителя Гермерика, в знак чего вывесил флаг с изображением льва и дракона, символизирующих его самого и отца невесты. При этом Бернарду де Бриту приводит некие письма из Алкобаса, где упоминается царь алан Атак. Так, он цитирует письмо «епископа Арисберта, в котором тот представляется современником событий, что, видимо, по задумке автора, должно придать его повествованию оригинальное свидетельство: «...проходя мимо новой Коимбры, я увидел работающих там на строительстве их стен многих служителей Бога; среди них, по приказу Атака, был и епископ Элипанд: я плакал вместе с ними об их несчастье и о потере этой плодородной провинции Римской империи [15, 145–151].

В этом повествовании также можно указать явно исторически некорректные сведения, что уже приходилось отмечать [4, 97]. Ни один известный источник ничего не знает об арианстве у алан в Западной Европе. Но оно многократно фиксировалось источниками для германских народов. Наблюдаются и хронологические несоответствия с христианской историей свевов. Свевы приняли католичество при своем правителе Реккиарии (448–456 гг.), перешли в арианство при Ремисмунде ~ 465 г., а затем вернулись в католичество незадолго до 585 г. Но поскольку, как мы знаем, Бернарду де Бриту использует концепцию о германском происхождении алан, а германцы в Западной Европе, по разным источникам, исповедовали арианство, он сразу и приписывает арианство Атаку. Такое положение, надо полагать, было важно для представления истории Лузитании монахом Бернарду де Бриту, т. к. в его изложении аланы и свевы закладывают основу нового царства постримского периода.

Его младший португальский современник Бернарду де Брага (1604–1662 гг.), перечисляя источники, сообщавшие о вторжении алан на Пиренеи, также указывал, что Респендиал (у него – Рапантиан, Респламдиан – А.Т.) был аланом и отобрал у римлян Лузитанию, став здесь первым царем. Впоследствии он был убит своим же народом, а ему наследовал в

царствовании Атак. Автор особо отмечает, что Бернарду де Бриту также пересказывает соответствующую историю о происхождении флага (герба) с изображениями красного льва и зеленого дракона, которые ранее были на флагах Атака и Гермерика. При этом Бернарду де Брага сносится на авторитетную рукопись некоего епископа Альдебера из монастырей Алкобаса и Каркере на р. Доуро. Эту рукопись, дескать, передал сам Бернарду де Бриту, уже издавший свою историю Лузитании, в которой описал историю Атака. Причем дополнительно указывается, что епископ Альдебер брал информацию из другого источника, а еще из древней книги, в которой есть гербы всех царей и князей мира, хранящейся в том же монастыре Алкобаса [18, 9–14].

Обратим внимание, что источник так прямо не представлен у самого Бернарду де Бриту. У Бернарду де Бриту и Бернарду де Брага речь идет об аббатстве Санта-Мария-де-Алкобаса, основанном в 1152 г. и находившимся под покровительством королевского двора и служившим центром ответвления бенедиктинского ордена – цистерцианского монашеского ордена, возникшего в начале XII в. Постепенно аббатство стало культурным центром страны, где собирались древние рукописи, преимущественно греческие, первых веков христианства [19, 43], и где и трудился Бернарду де Бриту. Таким образом, источник оказывается определен некой рукописью «епископа Альдебера», т. е. уже совершенной обработкой неизвестных источников, которая имела «источником» самого Бернарду де Бриту и сегодня, надо полагать, ничем не подтверждается.

Как справедливо отмечали исследователи, «Бернарду де Бриту не только широко использовал в своем труде легенды, но зачастую ссылаясь на вымышленные им самим средневековые хроники». В условиях потери Португалией своей независимости в условиях испано-португальской унии, отмеченной еще и экономическим кризисом, «...обращение к прошлому и его героизация оказались вполне закономерными». Бернарду де Бриту представлял то патриотическое направление, которое старалось «...в первую очередь прославлять всеми возможными способами происхождение своей нации и государства» [19, 44]. Отмеченное в начале статьи возражение о напрасном приписывании Бернарду де Бриту излишне вольного и некритического обращения с источниками за счет приведения факта упоминания в трудах его современников якобы выдуманных им хроник не совсем корректно, т. к. речь шла не об общем положении, а об отдельно взятом примере.

Сами португальские исследователи указывали: «Бернарду де Бриту хорошо знал, что любая история должна быть основана на источниках, но и здесь так же, как в литературе, нормальный порядок был перевернут:

исторический труд потребовал создания документов, а не документы создавали историю. Для обоснования своего повествования Бернарду де Бриту старательно составил соответствующие источники. Наиболее известной из таких фальсификаций являются «Акты кортесов в Ламегу» [20, 202–203].

Таким образом, Бернарду де Бриту не только вольно обращался с источниками, но и сознательно лично создавал фальшивки. Поэтому допустимо полагать, особенно в условиях отсутствия указываемых Бернарду де Брига документов, что «источником» португальского патриота Бернарду де Бриту в интересующем нас вопросе являлся сам Бернарду де Бриту, создавший цельное легендарное повествование, используя некоторые действительные исторические факты, которые преобразовывались и дополнялись им за счет выдуманных источников, приспособиваясь к португальской составляющей, в которой и кошку можно было сделать львом. При таком подходе нет никакого противоречия в том, как полагают некоторые авторы, что кошка называлась единым символом алан и свевов, а для герба Коимбры другой кошачий хищник – лев оказался приписан аланскому правителю, а дракон – свевскому. Такое объяснение вполне логично в контексте самой композиции герба, т. к. первым должен идти символ Аддака как правителя царства. Ему в такой позиции и соответствовал лев. Дракон вынуждено представляется как символ Гермерика – его тестя, что, с другой стороны, вполне соответствует положению проигравшего и вполне в такой форме может сочетаться с женским образом его дочери, т. е. на втором месте после символа мужа. Стоит и задаться другим вопросом. Представлялся ли когда-нибудь дракон символом свевов вне герба Коимбры?

Сведения Бернарду де Бриту носят явно легендарный характер и не могут безоговорочно служить основой исторического исследования. Сами гербы появляются гораздо позже жизни Аддака, а соответствующие рукописи монастыря остаются неизвестными. Упоминание книги с гербами также указывает на поздний характер сведений, который, наряду с хронологией создания аббатства, определяет и поздний характер «рукописи епископа Альдебера», чье существование еще и ничем не подтверждается. Кстати, к тому времени вышел и соответствующий труд Клода Парадина с авторским рисунком герба алан в виде кошки. Видимо, период потери Португалией независимости во время создания указанных трудов привел к особому старанию патриотических сил представить древность государственности и царской власти в регионе, включая гербовые символы, учитывая, что Коимбра некогда была столицей Португалии.

Как отмечалось выше, сама тема происхождения гербов во времена

Бернарду де Бриту оказалась заметно актуализирована эрудитами, что должно было подвигнуть его к особому напряжению в объяснении символики герба Коимбры. Видимо, следует учитывать, что проблема его символики уже была поднята различными авторами, что дополнительно должно было стимулировать патриотический подход Бернарду де Бриту к его историческому объяснению.

Известны, в частности, следующие примеры [21]. Франсиско де Са де Миранда (1481–1558 гг.) в «Fábula do Mondego» рассказывал о несчастной любви между юношей Диего и нимфой из р. Монда (совр. Мондего). Соответственно интерпретировался герб: женская фигура изображала нимфу, охраняемую драконом и львом. Инасио де Мораис (~1507–1580 гг.) в «Combracae Encomium» рассказывал о соблазнении Гераклом юной Пирены. Она укрылась в лесу, чтобы спрятать плод своей любви. Вместо ребенка она родила крылатого змея. В отчаянии она стала убегать, но была растерзана лесными зверями. От нее остался только бюст, который затем нашел Геракл. Когда Геракл основал Коимбру, изобразил на гербе бюст своей возлюбленной, окруженный змеем – плодом их любви, и льва, олицетворявшего разорвавших Пирену зверей.

Гил Висенте (~1465–~1536 гг.) в «Comédia sobre a divisa da Cidade de Coimbra» приводит другую историю. Девушка Колимена – дочь правителя Кордовы Керидона, заключенная в тюрьму варваром Мондеригонном, была освобождена змеей и львом. Когда позднее Керидон основал город Коимбра, он увековечил это событие на своем гербе. Монах Гейтор Пинто (1528–1584 гг.) в «Imagem da Vida Cristã» сообщал, что дьявол имеет две ипостаси. Он предстает в образе льва, искушая души насилием, или в образе змея, искушая души кротостью. Если душа побеждает искушения дьявола, то она увенчивается. Соответственно объяснялся и герб Коимбры. Город, как столица Португалии, «победивший мавританских врагов Бога и поливший свои поля кровью варваров», олицетворяющих зло, представлен фигурами, символизирующими его борьбу. Педро де Мариц (~1550–~1615 гг.) в «Diálogos da Vária História» приписывал основание города Геркулесу-египтянину. Фигура представляла сам город, который никогда не был побежден в сражениях с врагами, почему и увенчан победным венцом. Лев и змея олицетворяют врагов, например, кастильцев или арабов.

Уже после выхода в свет труда Бернарду де Бриту в октябре 1625 г. в проповеди Хорхе Пиньейро (умер ~1635 г.) по случаю канонизации королевы, которая была напечатана, содержался намек на некоторые современные ему толкования. Проповедник полагал возможность усмотреть в гербе Коимбры прославление святой Изабеллы, чья коронованная фигу-

ра служила умиротворению, способствуя гармонии между кастильским львом и португальским змеем.

Данные примеры демонстрируют, что никакой связи с историей алан ни в живой памяти местной традиции, ни в официальных церковных или государственных кругах, способных опираться на письменную традицию, в отношении герба Коимбры не существовало. Они же указывают на то, что проблема интерпретации его символики была именно тогда актуальна, что, наряду с отмеченным общим интересом западноевропейских эрудитов к вопросам геральдики, безальтернативно ставило перед Бернарду де Бриту, создававшему в патриотическом порыве свой труд, необходимость соответствующей идее его труда интерпретации. Окружавшие его интерпретации имели мифологический, историко-мифологический и исторический характеры, что уже выводило опытным путем на возможность создания исторического повествования, которое усиливалось бы «документальной стороной», в предоставлении которой Бернарду де Бриту оказывался в особом положении за счет открытости ему церковных документальных хранилищ, что уже само по себе делало его фигуру в глазах современников и последующих поколений весьма авторитетной. Повествование Бернарду де Бриту стало наиболее популярным со временем, что вполне объяснимо именно апелляцией автора к «документальной истории», тогда как мифологические интерпретации, только в силу их языческой древности, должны были проиграть.

Данное положение подтверждается известной линией [21] изменения герба Коимбры (рис. 1). Она, в свою очередь, препятствует принятию возражения, что соответствующий герб Коимбры существовал задолго до рождения Бернарду де Бриту, почему ему якобы не было необходимости выдумывать историю о его происхождении. Первое, т. е. самое раннее, изображение герба Коимбры вообще не содержало зооморфных образов. Следующий за ним вариант содержит только изображение змеи. Изображение льва появляется не ранее конца XIV в.

рис. 1. Варианты герба г. Коимбра (<https://www.cm-coimbra.pt/areas/viver/a-cidade/heraldica>).

Таким образом, последний вариант, действительно, существовал задолго до жизни Бернарду де Бриту. Но он отражал уже давнюю линию собственного развития, первые известные образцы которого уже без дополнительного анализа препятствуют признанию историчности объяснения его семантики со стороны Бернарду де Бриту. Видимо, следует отметить, что самый древний из известных антропоморфных образов герба, неизменно присутствующий на всех последующих вариантах в несколько различающихся исполнениях, напоминает, например, сведения из *Notitia Dignitatum*. Среди, в частности, единообразных символов викарианств представлен [22, 69] и соответствующий символ для Лузитании (рис. 2).

рис. 2.

Заключение

Исходя из представленных наблюдений, следует констатировать, что в настоящее время не существует обоснованной возможности признать за гербом г. Коимбра, как и за «Овсэтиса», действительной аланской составляющей. Данные символы являлись плодом исторического патриотизма Вахушти Багратиони и Бернарду де Бриту. Один привел к созданию выдуманного символа, другой – к объяснению уже существовавшего. Ни картлийский, ни португальский патриотизм ничего не знали друг о друге, а независимое от этого схождение их в предоставлении образов животных семейства кошачьих сегодня оказалось научной проблемой. Как представляется, до того, как не будет опровергнуто данное положение, а обратное не найдет себе необходимого документального подтверждения, «Овсэтиса» и герб г. Коимбра остаются вне зоны геральдической истории алан.

---

1. *Ricardo Costa de Oliveira*. Dos primeiros reis alanos na Lusitânia. 2008 [сайт]. URL: <http://rco2000.blogspot.com/2008/10/dos-primeiros-reis-alanos-na-lusitnia.html>. (на порт. яз.)

2. *Кочиев К.К.* Древняя аланская инсигния в европейской литературе XVI–XVIII вв. // Аланское православие: история и культура: сборник мате-

риалов VIII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2020. С. 41–60.

3. Мысыккаты Б. По следам «аланского барса» // Историко-филологический архив. 2021. № 10. С. 37–73.

4. Туаллагов А.А. Образ леопарда в истории Осетии и современность // NARTAMONGÆ. 2021. Т. XVI. №1, 2. С. 60–125.

5. Туаллагов А.А. Образ леопарда в истории Осетии и современность (II) // NARTAMONGÆ. 2022. Т. XVII. № 1, 2. С. 311–342.

6. Germaniae exegeseos volumina duodecim a Francisco Irenico Ettelingiacensi exarata. Eiusdem oratio protreptica, in amorem Germaniae, cum praesentis operis excusatione, ad Illustris. Principis Palatini Electoris Cancellarium Florentium de Pheningen, utriusque censure Doctorem. Urbis Norinbergae descriptio, Conrado Celte enarratore. Hagenoæ: typis Thomæ Anshelmi, M. D. XVIII. [1096] p. (на лат. яз.)

7. Historia de gentibus septentrionalibus, Autore Olao Magno, Gotho, Archiepiscopo Upsalensi, Suetiæ & Gothiæ Primate. A Cornelio Scribonio Grapheo, præclaræ urbi Antuer pianæ a secretis, sic in Epitomen redacta, ut non minus clare quam breuiter quicquid apud Septentrionales scitu dignum est, complectatur. Antverpiæ: Apud Ioannem Bellerum, sub insigni Falconis, M. D. LXII. [366] p. (на лат. яз.)

8. *Olaus Magnus*. A Description of the Northern People 1555. Translated by Peter Fisher and Humphrey Higgens, and edited by P. G. Foote. London: The Hakluyt Society, 1996. XCIII. 288 p.

9. Devises Heroïques. Par M. Claude Paradin Chanoine de Beaujeu. Lion: par lan de Tournes, et Guil Gazeau, M. D. LVII. 261 p. (на франц. яз.)

10. Henrici Cornelii Agrippæ ab Nettesheym. De incertitudine & vanitate scientiarum declamation invectiva, qua universia illa sophorum gigantomachia plus quam Herculea impugnatur audacia: doceturque nusquam certi quicquam, perpetui, & divini nisi solidis eloquiis atque eminentia verbi dei la tere. Capita tractandorum totius operis sequens indicabit pagella. M. D. XXXI. [374] p. (на лат. яз.)

11. Sapere l'de delettevole r ils. don Costantino Castriota. Napoli: alli Virgini per Cilio Allifano, M. D. LII. 178 p. (на итал. яз.)

12. Discorsi de principii della nobilta: Et del gouerno che ha da tenere il nobile, et principe nel reggere se medesimo, la famiglia, & la republica: Partiti in sei Dialoghi, composti per M. Marco de la Frata, et Mont'albano. Venetia: Nella bottega d'Erasmus di Vincenzo Valgrisi, M D LI. 236 p. (на итал. яз.)

13. Expositio in septem visions libri Apocalypsis // Patrologiæ cursus completes, sive bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum,

sive latinorum, sive græcorum, qui ab ævo apostolico ad tempora Innocentii III (anno 1216) pro latinis et ad concilii Florentini tempora (ann. 1439) pro græcis floruerunt. Parisiis, 1879. T. XVII. Col. 841–1058. (на лат. яз.).

14. *Corona Gothica, Castellana, y Austriaca, politicamente ilustrada, en quatro partes dividida, con los Retratos de los reyes Godos.* Por don Diego de Saavedra Faxardo. Amberes: en casa de Juan Bautista Verdussen, Impressor y Mercader de Libros, M. D. CC. VIII. 251 p. (на лат. яз.).

15. Segunda parte, da Monarchia Lusytana. Em que se continuão as historias de Portugal desde o nascimento de nosso Saluador IESU Christo, ate ser dado em dote ao Conde dom Henrique. Dirigida ao Catholico Rey dom Phelippe, secundo do home em Portugal, & terceiro em Castella, senhor d'Esanha, Emperadordo nouo mundo. E composta por seu mandado, pello Doutor Frey Bernardo de Brito Chronista geral, & monge religioso da Ordem de São Bernardo. Impressa em Lisboa no Mosteiro de São Bernardo, com licença & Priui legio Real. Por Pedro Crasbeek, 1609. 3+4+393+32 p. (на португ. яз.).

16. *Historia Ioannis Magni Gothi sedis apostolicae legati Primatis ac archiepiscopi Upsalensis.* De omnibus Gothorum Sueonumque regibus qui unquam ab initio nationis extitere, eorùmque memorabilibus bellis late varieque per orbem gestis, opera Olai Magni Gothi fratris eiusdem autoris ac etiam archiepiscopi Upsalensis in lucem edita. Romæ, M. D. LIII. 787 p. (на лат. яз.).

17. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.

18. *Tratado Sobre a Precedencia do Reino de Portugal ao Reino de Napoles.* Composto por Frei Bernardo de Braga, Monge de S. Bento. Copiado de um Ms. authentico existente na Torre do Tombo. Por Albano Antero da Silveira Pinto Paleographo. Porto: Typographia da Revista, 1843. 54 p. (на португ. яз.).

19. *Ковалев К.В.* «Лузитанская монархия» Бернарду де Бриту: новаторство или архаизм? // Национальная ассоциация ученых. 2015. № IX (14). С. 43–45.

20. *Сарайва Ж.Э.* История Португалии. М.: Весь мир, 2007. XI+368 с.

21. *Armas, Bandeira e Brasão de Coimbra.* Texto de Carlos Santarém Andrade [сайт]. URL: <https://www.cm-coimbra.pt/areas/viver/a-cidade/heraldica> (на португ. яз.).

22. *Notitia Dignitatum et Administrationum Omnium tam Civilium quam Militarium in Partibus Orientis et Occidentis.* Bonnae: Impensis Adolphi Marci, ab a. 1839 usque ad a. 1853. T. II. Notitia Dignitatum in Partibus Occidentis. 1209 p. (на лат. яз.).

ON THE QUESTION ABOUT ALANIAN HERALDRY.

Tuallagov, Alan A. – doctor of historical sciences, head of the department of archeology, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>; soigsi@mail.ru

Keywords: heraldry, coat of arms, zoomorphic image, written sources, the Alans.

The article is devoted to the analysis of the hypothesis about the Alanian source of the coat of arms of the Portuguese city of Coimbra. In the course of recent research, the coat of arms of this city was included in the circle of other heraldic symbols, also associated with the Alan tradition. A statement about its semantics due to the work of Bernardo de Brito represents the dominant one. However, this issue was resolved without either a specific or a comprehensive consideration, which took the problem of source analysis beyond the scope of research, not allowing the results obtained to be verified. There are various approaches and solutions in evaluating the data of written sources, in which the sources themselves remain outside the analysis. This provision determines the relevance of the problem proposed for consideration. The novelty of the research lies in the analysis of specific data sources, which is complemented by their consideration in the historical and cultural context of the Middle Ages. The purpose of the study is to identify possible sources underlying the narrative of Bernardo de Brito. The objectives of the study are to establish the origins of ideas about the corresponding heraldic symbol, as medieval authors presented it. The study used methods of textual research of sources, visual analysis of pictorial monuments, inductive and logical analysis based on the principle of historicism and systematic presentation. As a result of the conducted study, it is established that the story proposed to Bernardo de Brito about the Alanian component of the coat of arms of the city of Coimbra, supported by some modern authors, cannot unconditionally claim its historicity. Socio-political moments in the history of Portugal dictated its inclusion in the patriotic movement of its time, actualized by some issues in the development of heraldry proper. There is a probable falsification of the source base for achieving patriotic goals on the part of Bernardo de Brito, who also used some really historical information.

For citation: Tuallagov, A.A. On the question about Alanian heraldry. KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 18(25), pp. 78-94. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.005

REFERENCES

1. Ricardo Costa de Oliveira. Dos primeiros reis alanos na Lusitânia. 2008 [Web-site]. URL: <http://rco2000.blogspot.com/2008/10/dos-primeiros-reis-alanos-na-lusitnia.html> (in Portuguese).
2. Kochiev, K.K. *Drevnyaya alanskaya insigniya v evropeiskoi literature XVI–XVIII vv.* [Ancient Alan insignia in European literature of the 16th–18th centuries]. *Alanskoe pravoslavie: istoriya i kul'tura: sbornik materialov VIII*

Svyato-Georgievskikh chtenii «Pravoslavie. Etnos. Kul'tura» [Alanian Orthodoxy: history and culture: collection of materials from the VIII St. George readings «Orthodoxy. Ethnos. Culture»]. Vladikavkaz, 2020, pp. 41–60.

3. Mysykkaty, B. *Po sledam «alanskogo barsa»* [In the footsteps of the «Alan leopard»]. *Istoriko-filologicheskii arkhiv* [Historical and philological archive]. 2021, no. 10, pp. 37–73.

4. Tuallagov, A.A. *Obraz leoparda v istorii Osetii i sovremennost'* [The image of the leopard in the history of Ossetia and modernity]. *NARTAMONGÆ*. 2021, vol. XVI, no. 1, 2, pp. 60–125.

5. Tuallagov, A.A. *Obraz leoparda v istorii Osetii i sovremennost' (II)* [The image of the leopard in the history of Ossetia and modernity (II)]. *NARTAMONGÆ*. 2022, vol. XVII, no. 1, 2, pp. 311–342.

6. *Germaniae exegeseos volumina duodecim a Francisco Irenico Ettelingiacensi exarata. Eiusdem oratio protreptica, in amorem Germaniae, cum praesentis operis excusatione, ad Illustris. Principis Palatini Electoris Cancellarium Florentium de Pheningen, utriusque censure Doctorem. Urbis Norinbergae descriptio, Conrado Celte enarratore. Hagenoæ, typis Thomæ Anshelmi, M. D. XVIII. [1096] p. (in Latin).*

7. *Historia de gentibus septentrionalibus, Autore Olao Magno, Gotho, Archiepiscopo Upsalensi, Suetiæ & Gothiæ Primate. A Cornelio Scribonio Grapheo, præclaræ urbi Antuer pianæ a secretis, sic in Epitomen redacta, ut non minus clare quam breuiter quicquid apud Septentrionales scitu dignum est, complectatur. Antverpiæ, Apud Ioannem Bellerum, sub insigni Falconis, M. D. LXII. [366] p. (in Latin).*

8. *Olaus Magnus. A Description of the Northern People 1555. Translated by Peter Fisher and Humphrey Higgens, and edited by P. G. Foote. London, The Hakluyt Society, 1996, pp. XCIII+288.*

9. *Devises Heroïques. Par M. Claude Paradin Chanoine de Beaujeu. Lion, par lan de Tournes, et Guil Gazeau, M. D. LVII. 261 p. (in French).*

10. *Henrici Cornelii Agrippæ ab Nettesheym, De incertitudine & vanitate scientiarum declamation invectiva, qua universia illa sophorum gigantomachia plus quam Herculea impugnatur audacia: doceturque nusquam certi quicquam, perpetui, & divini nisi solidis eloquiis atque eminentia verbi dei late. Capita tractandorum totius operis sequens indicabit pagella. M. D. XXXI. [374] p. (in Latin).*

11. *Sapere l'de delettevole r ils. don Costantino Castriota. Napoli, alli Virgini per Cilio Allifano, M. D. LII. 178 p. (in Italian).*

12. *Discorsi de principii della nobilta: Et del gouerno che ha da tenere il nobile, et principe nel reggere se medesimo, la famiglia, & la republica: Partiti in sei Dialoghi, composti per M. Marco de la Frata, et Mont'albano. Venetia, Nella bottega d'Erasmus di Vincenzo Valgrisi, M D LI. 236 p. (in Italian).*

13. Expositio in septem visions libri Apocalypsis. Patrologiæ cursus completus, sive bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum, sive latinorum, sive græcorum, qui ab ævo apostolico ad tempora Innocentii III (anno 1216) pro latinis et ad concilii Florentini tempora (ann. 1439) pro græcis floruerunt. Parisiis, 1879, t. XVII, col. 841–1058 (in Latin).

14. Corona Gothica, Castellana, y Austriaca, politicamente ilustrada, en quatro partes dividida, con los Retratos de los reyes Godos. Por don Diego de Saavedra Faxardo. Amberes: en casa de Juan Bautista Verdussen, Impressor y Mercader de Libros, M. D. CC. VIII. 251 p. (in Latin).

15. Segunda parte, da Monarchia Lusytana. Em que se continuão as historias de Portugal desde o nascimento de nosso Saluador IESU Christo, ate ser dado em dote ao Conde dom Henrique. Dirigida ao Catholico Rey dom Phelippe, secundo do home em Portugal, & terceiro em Castella, senhor d'España, Emperadordo nouo mundo. E composta por seu mandado, pello Doutor Frey Bernardo de Brito Chronista geral, & monge religioso da Ordem de São Bernardo. Impressa em Lisboa no Mosteiro de São Bernardo, com licença & Priui legio Real. Por Pedro Crasbeek, 1609, pp. 3+4+393+32. (in Portuguese).

16. Historia Ioannis Magni Gothi sedis apostolicae legati Primatis ac archiepiscopi Upsalensis. De omnibus Gothorum Sueonumque regibus qui unquam ab initio nationis extitere, eorùmque memorabilibus bellis late varieque per orbem gestis, opera Olai Magni Gothi fratris eiusdem autoris ac etiam archiepiscopi Upsalensis in lucem edita. Romæ, M. D. LIII. 787 p. (in Latin).

17. Aleman, A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in ancient and medieval written sources]. Moscow, Menedzher, 2003. 608 p.

18. Tratado Sobre a Precedencia do Reino de Portugal ao Reino de Napoles. Composto por Frei Bernardo de Braga, Monge de S. Bento. Copiado de um Ms. authentico existente na Torre do Tombo. Por Albano Antero da Silveira Pinto Paleographo. Porto, Typographia da Revista, 1843. 54 p. (in Portuguese).

19. Kovalev, K.V. «Luzitanskaya monarkhiya» Bernardu de Britu: novatorstvo ili arkhaizm? [The Lusitanic Monarchy» by Bernardo de Brito, a genre innovation or archaism?]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh* [National Association of Scientists]. 2015, no. IX (14), pp. 43–45.

20. Saraiva, Zh.E. *Istoriya Portugalii* [History of Portugal]. Moscow, Ves' mir, 2007. XI+368 p.

21. Armas, Bandeira e Brasão de Coimbra. Texto de Carlos Santarém Andrade [Web-site]. URL: <https://www.cm-coimbra.pt/areas/viver/a-cidade/heraldica>. (in Portuguese).

22. Notitia Dignitatum et Administrationum Omnium tam Civilium quam Militarium in Partibus Orientis et Occidentis. Bonnae: Impensis Adolphi Marci, ab a. 1839 usque ad a. 1853, t. II. Notitia Dignitatum in Partibus Occidentis. 1209 p. (in Latin).